

Извеков Аркадий Игоревич

ЗАПАД И ОСТАЛЬНЫЙ МИР: БЕССМЫСЛЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Статья имеет своей целью проследить противоречия западного типа мировосприятия и способа отношения к миру других культур. Восходящие к кризису европейской культуры рубежа XIX-XX веков изменения в структуре личности оказывают существенное воздействие на современность. В частности, они актуализируют многие проблемы глобализирующегося мира, в котором идет жесткий спор о современном понимании принципов демократии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 84-88. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

Статья имеет своей целью проследить противоречия западного типа мировосприятия и способа отношения к миру других культур. Восходящие к кризису европейской культуры рубежа XIX–XX веков изменения в структуре личности оказывают существенное воздействие на современность. В частности, они актуализируют многие проблемы глобализирующегося мира, в котором идет жесткий спор о современном понимании принципов демократии.

Ключевые слова и фразы: культурное превосходство моделей демократии; кризис культуры; экзистенциальный переворот; недоверие метанарративам; духовная свобода; бегство от свободы; легитимация превосходства; сообщество равных; диалог об интересах.

Аркадий Игоревич Извеков, к. филос. н., доцент

Кафедра гуманитарных дисциплин

Санкт-Петербургский институт специальной педагогики и психологии

Arkady.Izvekov@gmail.com

ЗАПАД И ОСТАЛЬНЫЙ МИР: БЕССМЫСЛЕННЫЙ КОНФЛИКТ®

Издревле существовавшие культурные противоречия Востока и Запада не теряют своей остроты. В современном мире Россия, с одной стороны, и США в идеологическом конгломерате с Европой – с другой, в духе современности спорят о понимании принципов демократии. Риторика с обеих сторон периодически напоминает о временах «холодной войны», когда тоталитаризм Советов действительно имел только один противовес – идеологическую, экономическую, политическую и военную мощь Запада. Последний, предоставив своим гражданам политические свободы и возможность потребления все большего количества материальных благ, выглядел привлекательной рекламной оберткой как в глазах тех, кто ее не имел, так и тех, кому она была предоставлена. При этом имеющие возможность доступа к скрывающимся за оберткой благам спешили согласиться с теми, кто подогревал опасения об ужасах будущего, в котором гипотетическое торжество тоталитаризма лишит всех сладостного дара западных демократий. Западный консенсус общества и власти, порожденный успехами развития систем производства и потребления в конце XX века обрел, как казалось, сокрушительную силу для всех, кто стоит на его пути.

В момент распада социалистического лагеря многим, находящимся по обеим сторонам стирающихся границ, хотелось верить, что отныне открыта дорога дальнейшей экспансии западной модели социокультурного устройства. Не замечая произошедших с тех пор принципиальных изменений, адепты Запада и сейчас продолжают верить в это и следовать идеологии, уходящей корнями во времена окончания Второй мировой войны. При этом чуть ли не любые самостоятельные шаги современной России, предпринимаемые ею для реализации собственных перспектив, Запад согласно историческому клише однозначно воспринимает как тоталитарную угрозу собственным интересам. Запад, отстаивая свои «неоспоримые» права на демократию, игнорирует собственные огрехи в утверждении этой самой демократии, допущенные посредством жесткого вмешательства в дела мира. Неудивительно, что для России эти огрехи стали своего рода авансом, которым настало время воспользоваться, и в ее глазах справедливо выглядит ожидание признания собственных интересов как справедливых и достойных хотя бы молчаливого одобрения. Между тем внутренние дела внезапно вновь возникших лагерей так же становятся объектами беспощадной критики. В условиях, когда и сам Западный мир не имеет однозначного согласия по всем существующим проблемам, ситуация в целом превращается в абсурд, замешанный на тотальной зависимости всех друг от друга.

Остановимся на одном из главных аспектов проблемы противостояния: имеется в виду уверенность политических элит Запада в превосходстве их модели демократии. Но возникает вопрос: в каких условиях, по отношению к какому остальному миру эта модель действительно была более демократична? О каких координатах сравнения вообще идет речь? Об эпохе XVI–XIX веков, когда в Европе происходило становление «свободного» капитализма, а во всем остальном мире – колониальная экспансия и подавление любых миров, попавших в сферу интересов Запада? О первой половине XX века, когда Америка с невероятным цинизмом дикого капитализма пробивалась через Великую депрессию в мировые лидеры, а в СССР и Германии возникали чудовищные режимы и мир в целом скатывался в воронку Второй мировой войны? Нет. В ту пору в умах интеллектуальной элиты только вызревали ростки идей свободы, понятой не в духе безграничной экспансии буржуазных ценностей, единственно способных противостоять тоталитаризму некоторых политических режимов, а именно свободы внутреннего мира личности.

Современное – и уже устаревшее – представление о торжестве западных демократий возникло в недолгий по отношению к общесторическому контексту период после Фултоновской речи Черчилля, когда сложилось осмысленное противостояние двух систем мироустройства, основанное на тотальности буржуазных ценностей западного типа и тоталитаризме репрессивной политической системы СССР и его сателлитов. Но

сегодня уже странно наблюдать, как вопреки грандиозности перемен, произошедших с середины XX века, всем по-прежнему навязывают умирающие стереотипы, возникшие 60 лет назад.

Вопрос, на который, прежде всего, следует дать ответ, состоит в следующем: в чем суть культурно-исторических истоков, обусловивших современные противоречия? Иначе говоря, стоит по-новому заглянуть в прошлое, причем совсем недавнее: рубеж XIX и XX веков. Еще совсем недавно было много тех, кто говорил об этом времени как о кризисе культуры. Теперь это почти забыто, а современность выдвигает столько задач, что стоит ли вспоминать. Между тем именно тогда впервые – именно в западной культуре – свершилась та грандиозная трансформация природы человека, которая определяет современное состояние структуры личности, характерной теперь уже далеко не только для Запада.

Мы давно привыкли, что тот кризис – не более чем смутное время быстрых перемен, которые выразились в радикальных изменениях социальных структур и в ошарашивающих новациях в искусстве. Человек массы, массовая культура, с одной стороны, и, с другой – модернизм, конструктивизм, новый театр, кинематограф – вот что стало для нас явным итогом завершающегося кризиса. А революции и две мировые войны вообще отодвинули эмоциональное переживание переходного этапа как что-то декадански рафинированное по сравнению с ужасами этих катастроф. Вместе с тем слова Достоевского и Ницше, что Бог мертв, дюркгеймовское определение аномии, веберовская «железная клетка» рациональности, гуссерлевское понятие «овнешнения» рационализма и тому подобное остались на страницах учебников как симптоматика кризиса, который уже давно завершился и к нам, как хочется думать, отношения уже не имеет.

Все это слишком простой и с точки зрения универсальности современных проблем совершенно непозволительный взгляд на кризис и его нынешние последствия. Печально, что правящие элиты игнорируют суть перемен, предопределенных так называемым экзистенциальным переворотом. Последствия переворота, согласимся, недоосмысленные до сих пор не только «отставшими» политиками, предопределили принципиально новую позицию субъекта: отныне сущность человека не предзадана его существованию, напротив, сущность – это то, что формируется личностью в процессе экзистенции. Между тем некоторые психологические (например, логотерапия В. Франкла) и философские доктрины давно признали, что такой переворот означал принципиальные изменения в структуре личности.

Сейчас трудно представить, что наши предки были склонны строить свое представление о мире, исходя из доверия (или веры) в некие объективно и безотносительно личности существующие преддетерминанты смысла мира и предназначенности мироздания. В большинстве своем наши прадеды судили о мире, исходя из того, что есть некий постулат N , из которого происходят все остальные постулаты $N_1, N_2, N_3 \dots N_\omega$, составляющие поле постуляции смысла мира и личности в нем. Причем происхождение постулата N им было совершенно безынтересно. Например, концепция креационизма не предполагала в Средние века вопроса: а почему, собственно, именно так?

В наши дни псевдоуверенность в идеалах демократии очень часто пытаются выставить в подобном же виде, совершенно не замечая разницы такой «уверенности» и издревле возникшего и теперь отжившего нереплексивного доверия внеэмпирическим основаниям бытия вроде мифологических сил античности, мира блага, по Сократу, мира идей, по Платону, Перводвигателя Аристотеля, Единого в неоплатонизме, средневекового понимания Бога или Вселенского Разума в эпоху Просвещения.

Последствия экзистенциального переворота лишь во вторую очередь состоят в формировании современного понимания демократических принципов. В первую очередь они выразились в возникновении структуры личности, свободной по отношению к любому постулату N как чему-то, не требующему объяснения. Наоборот, возникает требование объяснить происхождение любого N , составляющего нравственное истолкование мира, положим, постулатом P и проистекающих из него $P_1 P_2 P_3 \dots P_\omega$, каждый из которых должен строиться на верифицируемых наукой данных. Последнее требование оказывается невыполнимым, и кризисное мироощущение реагирует на это предположением невозможности любого постулата N вообще, что, например, выражено словами Ницше о «смерти Бога». Теперь мы имеем дело с видоизменяющимися последствиями подобного пессимистического варианта истолкования кризиса.

Потенциальную возможность недоверия любому постулату N , а не что иное, и следует рассматривать как предпосылку свободы. Конечно, человек может самопроизвольно принять для себя любой внешний постулат N в качестве окончательного вердикта миру. Но вместе с тем любому открыто право конструировать в процессе существования свой личностный постулат – субъективный аналог N , исходя из доверия к которому строится личностная смысловая картина мира. Более того, такое право личности совершенно не зависит от типа политического режима, будь он демократическим или каким-то иным.

У постулата N есть свое конкретное имя – метанарратив, как это определил Ж.-Ф. Лиотар [7, с. 54-55]. Напомним, метанарратив, или «большое повествование», есть рассказ о мире, который содержит в себе исчерпывающую его трактовку. Таковая включает в себя объяснение истока мира, смысла его истории, а иногда даже и вероятный финал. При этом «большие повествования» всегда трактуют мироздание как некую целостность, внутри которой место человека просто, очевидно, ясно. Так было в системе античных мифов, в религиозно-философских системах Древней Индии или Китая, в Библии или Коране. И так остается в некоторых случаях по сей день.

Но практически любая культура, пережившая свою модернизацию, самостоятельно и изнутри приходит к вопросу о неколебимости веры в постулат N . Данное обстоятельство тут же оборачивается принципиальным недоверием исходному N и делает существование метанарратива не то чтобы проблематичным, но и в даль-

нейшей перспективе невозможным. Везде, где это произошло, возникает атмосфера «недоверия метанарративам», означающая «взросление» субъекта модернизированных культур.

Осталось это замеченным и осмысленным или нет, но экзистенциальный переворот, однажды случившийся в США и Европе, несколько позже стал превращаться в универсальное явление. В большом количестве других ареалов стал возникать новый тип личности, не доверяющий метанарративам и способный к критическому мышлению, выразившемуся в небывалом росте рефлексивности [4, с. 134-137]. Теперь почти повсеместно, а не только на Западе, очевидны признаки появления нового человека, духовно свободного и должного отвечать за свободу, что наглядно демонстрируют реалии XXI века.

Происходит глобальная трансформация понятия свободы. Теперь мы имеем дело не только с политическими свободами, которые сейчас если и важны, то только как ответ на запрос внутренне свободной личности, а не как дозволение со стороны правящих структур определенных моделей действия. И уж тем более речь не идет о свободе – или произволе – неподконтрольного никому саморазвития капиталистических отношений. Теперь уже очевидно, что последние тоже могут обернуться специфической моделью тоталитаризма – тотальностью власти потребительских ценностей. Напротив, речь идет о свободе внутреннего мира личности, которая и утверждается повсеместно абсолютно индифферентно к существующим политическим режимам. Поэтому апелляция к западной идее политической свободы и демократии как к средству решения любых противоречий и конфликтов на деле оборачивается банальным лицемерием.

Несмотря на то, что феномен «недоверия метанарративам» уже давно открыт, он почему-то ассоциируется исключительно с Западом, а его последствия все еще не стали достоянием современных политиков. Тем не менее современность настойчиво требует перемен во взглядах. Например, легко может показаться, что кризис именно европейской культуры подарил всему остальному миру «повзрослевшего» человека, которому отныне дарована свобода самостоятельно определяться со смысловым содержанием бытия, не озираясь ни на какие постулаты *N*. Но почему другие культуры, которые теперь уже тоже успели пережить кризис «взросления», должны признавать это как дар, привнесенный извне посредством вторжения западной модели демократии? Разве это не их собственное достижение, обретенное своим путем и собственной ценой, заплаченной за него? Неужели мы должны видеть причины таких изменений, например, как следствие колонизации XVI-XIX веков и благодарить Запад за то, что на ее штыках была привнесена идея модернизации?

Превосходство Запада не может быть легитимировано простой констатацией того факта, что экзистенциальный переворот впервые произошел именно там. Хотя обостренный принципиальным непониманием причин современного противостояния вопрос о том, почему этот переворот произошел быстрее именно в Америке и Европе, а не в остальном мире, действительно имеет некоторое значение. Мы привыкли думать, что ответ дан М. Вебером в его «Протестантской этике и духе капитализма». Логика, заложенная его знаменитым исследованием, по привычке находит множество прямых или косвенных сторонников. Как кажется, и в самом деле причины роста могущества Великобритании в XVII-XIX веках могут быть усмотрены в укоренении там мировосприятия протестантов. Протестантская идея, «вывезенная» пуританами из Европы в Новый свет, дала потрясающие всходы. Перефразируя М. Мамардашвили [8, с. 97-99], можно сказать, что она прижилась там хотя и не в пустом, но с культурной точки зрения в чистом пространстве – это тоже одна из вероятных причин того, что американский капитализм в XX веке обогнал европейский, который столкнулся с жесточайшим сопротивлением пережитков средневекового прошлого. Но оба примера – лишь поверхностная экспликация значительно более важного факта, состоящего в том, что изменившаяся структура личности выразилась в формах современного капитализма, который есть не более чем один из вероятных способов ее проявления. Обратная логика не в состоянии объяснить, почему аналогичные изменения в структуре личности происходят теперь повсеместно.

Безусловно, история не терпит сослагательного наклонения. И мы имеем дело с тем, что имеем. Но сегодня уже не стоит переоценивать мысль о предопределенности демократических свобод спонтанным рождением протестантского духа наживы в Европе, что обуславливает последующий приоритет ее и Америки по отношению ко всему остальному человечеству, ибо сейчас это не только абсурдно, но и пагубно. Иначе говоря, дело вовсе не в том, что западный капитализм, порожденный духом протестантизма, однажды где-то утвердился и самим этим фактом подарил современному миру идею демократии. Дело в том, что естественный и мало пока осмысленный процесс изменения структуры личности имел одной из вероятных своих форм становление западного типа общества.

В то время, когда результаты этих перемен стали явными, изумленный мир увидел человека Западного общества, который тогда действительно отличался от человека других культур тем, что, в первую очередь, «повзрослел» – в смысле обрел состояние внутренней духовной свободы. Но действительно видимыми и воспринимаемыми критериями произошедших изменений оказались формальные правила демократии, научно-технический и экономический потенциал, а вовсе не осознанная духовная свобода личности.

Человек демократии предстал перед миром, прежде всего, как человек, обеспеченный широчайшими возможностями потребления материальных благ, гарантированных политическими режимами. Это была более чем притягательная картинка. Но почти тут же прозвучали пророческие слова о том, что потребление – это еще не все, что нужно человеку. А изъяны демократии, выразившиеся в многочисленных экономических и политических махинациях, взятках, подозрениях власти в навязывании массам своих интересов (вспомним хотя бы работы Т. Адорно, Г. Маркузе), были, конечно, ложкой дегтя в бочке меда. Было и подавление тех немногих, кто не вписывался в картинку и выпадал за границы гарантированности политических свобод, что

по сравнению с политическими репрессиями в соцлагере, конечно же, выглядело не столь ужасно. Кроме того, еще Э. Фромм предостерег, что человек Запада часто не готов к свободе и всеми силами пытается от нее избавиться, совершая «бегство» от нее в зависимости различного рода: от потребительских ценностей до наркотиков. И остается только сожалеть, что его знаменитая книга «Иметь или быть» нынче вышла из моды, а новое понимание проблем недооцененности свободы, связанное с раскрытием явления кризиса культурной идентификации, пока еще не совсем на слуху.

Впрочем, тогда оказалось гораздо более важным то, что внутренняя и внешняя критика Запада неизменно меркла перед существовавшей еще недавно угрозой со стороны тоталитарных режимов социалистического толка. Все внутренние проблемы казались не столь существенными, и колоссальная экономическая мощь, превратившаяся для обывателя в доступность широкого спектра потребительских ценностей, оставалась шикарнейшей визитной карточкой Запада, которая давала ему право повсеместно указывать на то, что в реальности представляет собой эталон «прогрессивного» мироустройства.

Между тем процесс изменения структуры личности прокладывал себе дорогу во многих других местах. Коммунистическая диктатура в СССР прошла кровавым катком по православной форме христианского метанарратива. Непозволительно говорить, что миллионы погубленных жизней стали искупительной жертвой этого процесса. Но исторический факт состоит в том, что граждане современной России именно так пережили свой кризис взросления, и страна в целом заплатила за это свою, определенную историей цену. Очевидно и то, что свой путь проходят Китай, Индия, страны Южной Америки... Тут кстати вспомнить слово, ставшее необыкновенно популярным в последние десятилетия – глобализация. Что именно становится глобальным? Один из вариантов ответа – глобальной становится изменяющаяся структура личности.

Возникает глобальное сообщество равных, в котором конкретные общества имеют собственную потребность в формах организации процесса изменения структуры личности. Этот процесс вовсе не управляется абстрактными понятиями демократии, вызревшими как промежуточный этап одного из его вариантов. Совсем наоборот, специфика протекания процесса в разных частях мира требует в каждом случае своей конкретной формы. Попытка подстегнуть динамику изменений этих форм в наше время слишком явно отдает снобизмом.

Наивно было бы ожидать, что еще только формирующееся сообщество равных готово к глобальному консенсусу по всем вопросам мироустройства. По всей видимости, это очень далекая перспектива. Но уже сейчас необходимо признать равенство интересов его членов и, исходя из этого, решать существующие противоречия. Ибо позиция превосходства одних над другими, основанная на отживших стереотипах прошлого, опасна: идеология превосходства более демократичных над менее демократичными изживает себя с сокрушающей быстротой.

Есть почти непреодолимый соблазн усмотреть долю комизма в циничном позиционировании некоторыми современными политическими лидерами верховенства «демократических» ценностей, но это чрезмерно мягкое определение ситуации. Самонадеянность и апломб в отрыве от осознания реалий перемен, предопределенных историческими перипетиями трансформации структуры личности, рожают трагедию, особенно безнравственную в случае столкновения Запада с культурами домодерного типа или с «метанарративными» культурами, к каковым, к примеру, относится значительная часть ортодоксального ислама.

С потрясающим бездумием любые домодерные культуры провозглашаются отсталыми, или даже варварскими, по отношению к «устоявшимся» демократиям. И мало кто хочет отдавать себе отчет в том, что это превращается в безответственное и губительное следование отживающим правилам приличия «высших» обществ, причина которого коренится в безграмотном нежелании признать ответственность за происходящие перемены. В условиях современных реалий должно понимать: человек Запада и человек ортодоксального ислама структурно несклонны к диалогу. Эксплицитный образ человека Запада воспринимается со стороны как образ врага, потому что им самим не определенная и не осмысленная свобода выглядит в глазах его оппонентов произволом бездуховности. При этом Запад, не имеющий, как кажется, в своей экспансии никаких границ, демонстрирует угрозу устоям бытия, носящим характер высшей ценности.

Для существенной части мира ортодоксальный ислам по-прежнему является метанарративом, тотально и единственно возможным способом интерпретации сути бытия, одновременно оберегая и от непознанной и поэтому страшящей нежеланной свободы, и от видимой на поверхности тотальности потребительских ценностей Запада, уничтожающих самобытность традиционных культур.

К счастью или нет, мир ортодоксального ислама не пережил ни собственной ментальной модернизации, ни привнесенной извне трансформации внутренней структуры личности. Между тем развитие противостояния Запада и мира ортодоксального ислама происходит по сценарию самого дурного межличностного конфликта: Запад «демонстрирует», что он лучше (более развит, свободен, демократичен, социально мобилен, толерантен и т.п.), а миры, не воспринимающие его, дурны и отсталы. Хулимые, но непокорные оппоненты отвечают агрессией (мы более нравственны, мы не так развращены, мы живем ради высшей цели, а не утех плоти) и получают ее же в ответ, ибо Запад не терпит угрозы своим достижениям. В конце концов выдвигается идея насильственного подчинения, а проще говоря, банальный лозунг «мы вас завоюем». При этом чуть ли не совершенно очевидны интересы, стоящие как бы за кадром: доступ на рынки сбыта, к природным ископаемым, геополитические цели внешней политики. Цена такого сценария непомерно велика.

Стоит признать, что на самом деле конфликт не то чтобы значительно сложнее, он тоньше. Его структура задана непримиримостью двух форм мироотношения, одна из которых строится на домодерном варианте, другая – на постмодерном. Следовательно, они не просто разные, между ними существенный разрыв, который

невозможно сократить никакими силовыми методами. Ситуация тем сложнее, что домодерному по форме мироотношения обществу доступны практически любые средства постмодерного, пусть даже доступность таких средств и не может стать условием диалога, направленного на компромисс. Иначе говоря, необыкновенно существенный фактор современности состоит в том, что немодернизированным культурам в явном или неявном виде теперь открыты издержки процессов модернизации, и они справедливо предъявляют свои претензии. Поэтому сообщество свободных, если оно действительно хочет считаться таковым, несет особую ответственность как сообщество в каком-то смысле более «взрослых» граждан. Повзрослевшему открывается новый путь – стать мудрым. Но пока лишь немногим оказалось это по силам.

Положение Запада существенно пошатнулось. И модернизированные, и немодернизированные культуры больше не могут признавать его гегемонии, что обусловлено не примитивной строптивостью, а объективными процессами меняющегося мира. Хочется это признавать или нет, но Запад в любом случае уже лишился права выдвигать свои притязания на то, чтобы безапелляционно предписывать собственную модель мироустройства. У него еще есть финансовые, политические, военные резервы, но больше нет морального превосходства. И совершенно неважно, сколь реальные или призрачны на сегодняшний момент перспективы его оппонентов на обретение таких же резервов. Рано или поздно все изменится. То, что у других миров пока еще не столь значителен уровень материального благосостояния, постепенно перестает играть решающую роль – ибо это их уже увиденное будущее. Важно то, что диктат воли Запада уже сейчас сталкивается с изменяющимся самосознанием масс из многих других миров, в которых формируется та же структура личности, что и возникла на Западе в эпоху модерна.

Слова Черчилля о том, что у Англии нет друзей, а есть только интересы, сегодня обречены на то, чтобы стать универсальной идеологией. Честный диалог об интересах – путь к дальнейшей консолидации мира. При этом каждый должен отдавать себе отчет в том, какую цену придется заплатить за бескомпромиссное преследование этих интересов и каков выигрыш от способности идти на компромиссы. Будем смотреть правде в глаза: нечестный торг приведет к никому ненужной эскалации противостояния.

Пример сегодняшней ситуации более чем показателен. Подавление сепаратизма в Чечне и вторжение в Ирак, признание независимости Косово и события в Абхазии и Южной Осетии, объявление Грузии форпостом западной демократии и совместные акции с Венесуэлой, противостояние по проблемам «Арабской весны» и «битва» за Сирию не имеют ничего общего с торжеством демократии и тем более свободой внутреннего мира личности. Все это есть результат преследования конкретных интересов конкретных держав. И почему-то мало кто из представителей политических элит отдает себе отчет в том, что решающаяся в этих событиях судьба миллионов людей превращается в незначительный нюанс по сравнению с козырной картой в игре интересов под названием «Демократия». Игра в интересы, ложно апеллирующая к правилам так называемой демократии, уже превратилась в очевидный абсурд, анахронизм, который как можно скорее следует изжить. И остается только сожалеть, что надежда на честность, откровенность и взаимоуважение в этой игре все еще остается иллюзией.

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали / пер. с нем. М.: Республика, 2000. 239 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. М.: Рудомино, 1999. 222 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. 352 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества / пер. с англ. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с франц. СПб.: Союз, 1998. 215 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. М.: Ин-т эксперимент. социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
8. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. Изд-е 2-е. М.: Прогресс, 1992. 415 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Минск: ООО «Попурри», 1998. 672 с.

THE WEST AND THE REST OF THE WORLD: SENSELESS CONFLICT

Arkadii Igorevich Izvekov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Classical Disciplines
St. Petersburg Institute of Special Pedagogy and Psychology
Arkady.Izvekov@gmail.com

The author traces the contradictions of the Western type of the world perception and the way of attitude to other cultures world. The changes in the structure of a personality going back to the crisis of the European culture at the turn of the XIXth-XXth centuries have a significant impact on modern times. In particular, they actualize many problems of the globalizing world, in which there is a tough dispute about the modern understanding of democracy principles.

Key words and phrases: cultural superiority of democracy models; crisis of culture; existential revolution; distrust of metanarratives; spiritual freedom; escape from freedom; legitimization of superiority; community of equals; dialogue about interests.